

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 02.15.61

DOI: 10.17223/1998863X/64/9

Л.И. Ермакова, Д.Н. Суховская

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50331¹.

В обзорной научной статье проведен анализ теоретико-методологических подходов к пониманию города в философии; проанализированы существующие подходы к философской концептуализации городского пространства как среды обитания; проведен анализ существующих подходов к концептуализации понятия «пространство города» как конструкта значимых для горожан мест, а также анализ существующих подходов к концептуализации понятий «место» и «не-место» города.

Ключевые слова: философия города, городская идентичность, не-место, пространство города, жизненное пространство, дискурсивные практики города

Теоретико-методологические основания изучения городского пространства

Существует несколько теоретико-методологических подходов к изучению городского пространства. Рассмотрим основные из них.

1. Социальный конструкционизм (приверженцы данного подхода – П. Бергер [1. Р. 13], [2. С. 21], Дж.Д. Раскин [3. Р. 32], Т. Лукман [4. Р. 41], М. Фуко [5. С. 48]). Социальный конструкционизм представляет собой разновидность социального конструктивизма. В качестве главного тезиса данного подхода выступает возможность людей самостоятельно выстраивать социальную реальность как в целом, так и в рамках отдельных ее компонентов. Методологическим принципом подхода стала теорема Томаса. Она формулируется следующим образом: «Ситуации, определяемые людьми как реальные, реальны по своим последствиям» [6. Р. 391]. Суть утверждения заключается в том, что люди осуществляют жизнедеятельность, исходя из определения ситуации, т.е. социальная трактовка ситуации (в том числе предсказание) является неотъемлемой частью самой ситуации, следовательно, оказывает воздействие на развитие событий.

В конструкционизме существует два основных постулата:

1) значения и суть феноменов окружающей среды формируются вследствие субъективного полагания, т.е. субъект познания активен;

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50331.

2) общие значения формируются в ходе социального (группового) и культурного (ценностного) принятия указанных значений, а сам процесс реализуется в рамках межличностных отношений в реальной жизни [7. Р. 13].

Люди взаимодействуют между собой ежедневно. В ходе данного процесса возникают нормы и правила, наделенные не объективной, а конвенциональной сущностью. Другими словами, универсально «правильных» норм не существует априори, поскольку они возникают при обсуждении и становятся итогом договора. Основным направлением рассматриваемой социально-философской теории познания является поиск ответа на вопрос: какова роль личности и социальных групп в формировании социальной реальности? Попытка предоставить исчерпывающий ответ на приведенный вопрос предпринята в научно-исследовательском труде П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности [2. С. 123]. Авторы описывают механизмы формирования социальных феноменов через одобрение социальными институтами, после чего явления автоматически переходят в объективную реальность. Социальное конструирование – непрерывный процесс, затрагивающий переосмысление уже одобренных феноменов. Представления об окружающем мире становятся продуктом договоренности между представителями общества. В итоге социологический интерес к феноменам реальности детерминирован, в первую очередь, их социальной относительностью. Например, что реально для тибетского монаха является нереальным для американского бизнесмена.

На договор между людьми оказывают воздействие несколько факторов. Среди них:

1) общий культурный фон: социологическая деятельность и взаимодействия между людьми проходят в рамках культурного контекста, т.е. в системе одобренных социальных (коллективных) представлений. Они, в свою очередь, устанавливают общность интерпретативных схем. С помощью интерпретативных схем возникают намерения и мнения (безусловно, в рамках культурного контекста), задающие вектор деятельности людей;

2) языковая общность: формирование реальности осуществляется в процессе взаимодействия, т.е. коммуникации (в речевой форме). Возможности, которые предоставляет язык, применяемый для повседневной коммуникации, позволяют придать смысл и значение объективации феноменов окружающего мира. Более того, язык определяет место человека в социуме и привносит в жизнедеятельность личности значимые объекты [8. Р. 301].

По мнению М. Фуко, применение одинаковых или схожих языковых конструкций задает определенную картину мира [9. С. 98]. Языковая норма бессознательно формирует языковую поведенческую модель, в результате чего оказывает влияние на мышление личности. Создание реальности идет вербальными методами в процессе осознания и обсуждения конкретного объективного феномена. В результате возник интерес к дискурсивным практикам. В рамках концептуализации необходимо акцентировать внимание не на абстрактном вопросе «что?», а на философски определенном вопросе «кто сказал?». К указанному списку вопросов рекомендуется также добавить еще один: «какими словами говорит?». В итоге, суть окружающего мира зависит от людей (представителей социума), так как они становятся активным субъектом формирования желаемой реальности.

Жители городов также отдают предпочтение исключительно значимым, по их субъективному мнению, феноменам и фактам повседневной жизни. На основании взаимодействия возникают дискурсивные практики и практическая деятельность по преобразованию окружающего мира.

2. Критический дискурс-анализ (представитель – Н. Фэркло [10. Р. 21]). Дискурсивная практика входит в состав социальной практики. Ее специфика заключается в том, что она формирует социальную реальность и вместе с тем, находится в прямой зависимости от нее. По мнению Н. Фэркло, дискурсивную практику следует изучать в трех аспектах:

- в качестве социальной практики;
- как разновидность языка в конкретной сфере знаний;
- как инструмент, передающий жизненный опыт посредством речевой формы [11. Р. 38].

Дискурс является важным механизмом создания социальной идентичности, различных отраслей знаний, социального взаимодействия. В итоге для него характерен ряд функций: идентичности, отношения и означивания. С помощью метода можно проследить, как язык и социальная культура оказывают воздействие друг на друга.

В данном контексте дискурсивная практика представляет собой форму социальной практики. Посредством этого инструмента одновременно формируется социальная реальность и зависимость от нее. На основании дискурсов вырабатывается отношение к окружающему миру, социальным трудностям, с их помощью реальные ситуации получают значимость.

Н. Фэркло классифицирует дискурсы на две категории:

1. Идеология, которая является дискурсом власти (навязывания мнения).
2. Индивидуальные дискурсы, находящиеся в состоянии конкуренции [10. Р. 81].

Дискурсивные практики жителей города являются вербальным формированием поведенческих норм и «мероприятий» социальной жизни в населенном пункте. Специфика видения местными жителями своего города, а также его отдельных локаций кристаллизуется непосредственно в дискурсах горожан. С нашей точки зрения, вербальные практики напрямую воздействуют и предопределяют городскую среду, корректируют ее, исходя из насущных потребностей, мировоззрения, ценностей. На основании критического дискурса-анализа можно определить связь между дискурсивной практикой и окружающей действительностью. Данный метод фокусируется на связи указанных категорий и нацелен непосредственно на изучение социальных проблем, к которым примыкает уровень комфорта городской среды.

3. Гуманитарная география (представители – Д.Н. Замятин [12. С. 12], [13. С. 21], [14. С. 277], И.И. Митин [15. С. 2], [16. С. 9], [17. С. 15]). Основным предметом изучения гуманитарной географии является взаимосвязь между мыслительными категориями (образами, символами и т.д.) личности или социальной группы и их пониманием реальности, формированием пространственных практик. Для совершенствования управления городом правильная интерпретация его символики, анализ представлений о населенном пункте (конкретных локациях) местных жителей, понимание отношения горожан к месту своей жизнедеятельности имеют важное значение. Гуманитарная география – это эффективный инструмент, с помощью которого можно

детально изучить ментально-географические представления и осознать мировоззрение определенного социума (моногорода).

В гуманитарной географии выделяют несколько направлений. Среди них:

- имажинальная (образная), основная специализация которой заключается в исследовании географических образов;
- сакральная, которая акцентирует внимание на исследовании пространственных представлений в рамках религиозных систем;
- когнитивная, в спектр задач которой входит создание информационной географической базы;
- мифогеография – исследует процесс выработки современных мифов, а они, в свою очередь, становятся основой для городской идеологии и воздействуют на общую идентичность местных жителей и образа населенного пункта [16. С. 233].

В нашей работе упор сделан на мифогеографию, поскольку с его помощью появляется возможность найти взаимосвязь визуальных географических образов и идентичности жителей города.

Под термином «мифогеография» подразумевается процесс идентификации, исследования и синтеза различных контекстов (реальностей) локации. В представленном понятии часть «география» предполагает описание конкретных географических мест, а часть «мифо» предусматривает использование образов и представлений местных жителей. В данном контексте важно найти индивидуальные характеристики для каждой локации и объединить их на базе внутренних и внешних текстуальных связей.

Образ определенного исторического места представляет собой способ его осмысления, причем каждый человек применяет индивидуальные механизмы интерпретации. В повседневной жизнедеятельности горожане, сами того не осознавая, постоянно интерпретируют информацию об окружающем мире и конкретных локациях. В итоге формируются мифы и дискурсы о пространстве. «Место» в аспекте «мифогеографии» является не только результатом интерпретации и восприятия. Его следует понимать как сложную систему, т.е. совокупность переплетенных между собой смыслов, контекстов, представлений.

Отметим, что когда локация наделяется смыслом различными личностями и посредством разных точек зрения (интерпретаций), то она реализуется в пространстве. И, наоборот, при отсутствии у локаций общих смыслов она не существует в жизненных мирах жителей города, следовательно, для нее необходимо использовать термин «не-место».

Мифогеография может быть полезна в плане методологии. В рамках данной работы она предоставляет целый спектр возможностей. Например, в ходе исследования локаций необходимо выделять их основные характеристики, т.е. наиболее значимые сведения.

В научной среде используется понятие «доминанта», под которым подразумевается основа для интерпретации всех характеристик локации. Это значит, что у каждого места имеется скрытый смысл, порожденный в результате взаимодействия индивидуальных представлений (мифов) и их объединения в систему [15. С. 9]. Миф места является дискурсом жителей города и базой для интерпретации информации о нем, следовательно, выработки к ло-

кации определенного отношения. С точки зрения мифогеографии, миф места изучается для установления различных реальностей конкретной локации.

Что касается управления, то установление различных реальностей конкретной локации позволяет выявить проблемные, по мнению жителей города, характеристики места, уровень его востребованности, специфику отношения к нему и т.д.

В итоге возникает возможность своевременно ввести меры, в последующем использовать адекватные инструменты организации системы «личность – среда» и управления средовым развитием определенных локаций городского пространства.

4. Географическая герменевтика (представители – Х.Г. Гадамер [18. С. 111], В.Л. Каганский [19. С. 201], И.Н. Корнев [20. С. 4]).

Основная суть теоретико-методологического подхода заключается в интерпретации геокультурного пространства, как осознания и метода познания в гуманитарной географии. По мнению Х.Г. Гадамера, основным герменевтическим механизмом становится понимание, вследствие чего исследователь обязан культивировать смыслы, учитывая цели и культурные границы, а не скупое отображать представления информанта [21. С. 89]. Другими словами, понимание – это способность применять предоставленные сведения в соответствии с собственными целями и интересами. Более того, уровень понимания детерминирован культурными рамками, в которых существует исследователь. С позиции географической герменевтики геокультурное пространство наделено духовной составляющей, что проявляется в выработке значения для человека определенной локации и продуцировании эмоционального фона.

Геокультурное пространство является итогом совместного творческого процесса природы и личности, т.е. уникальным художественным произведением, которое сформировали многочисленные поколения и интерпретируемое ими как собственное место развития. Применительно к нашему исследованию можно сказать, что когда геокультурное пространство имеет свойства целостности и «здоровья», то у горожан отсутствует ценностно-смысловая маргинальность по отношению к определенным локациям. В таком случае «не-места» не возникают.

По мнению М. Оже, геокультурное пространство представляет собой совокупность локаций в определенной интерпретации [22. С. 40]. Опишем ряд свойств геокультурных пространств в рамках нашей работы:

1) системность – в локациях структурные компоненты находятся в тесной взаимосвязи между собой, поэтому они устойчивы и относительно самостоятельны;

2) динамичность – для локаций характерна непрерывная изменчивость и восприятие в сознании жителей города;

3) уникальность – любая локация обладает неповторимостью, так как наделена оригинальным перечнем смыслов;

4) информативность – локация транслирует человеку, который в ней существует, сведения, предоставляет импульс к деятельности.

5. Экоантропоцентрическая парадигма (представитель – Т.М. Дридзе [23. С. 50], [24. С. 30]). В качестве основных идей данного теоретико-методологического подхода используются:

– принцип социального участия – он является базовым в рамках указанного подхода и наделяет жителей возможностью участвовать в преобразовании городской среды;

– идея активного субъекта – в качестве главного субъекта оценки выступают люди, а не группы, следовательно, только жители города могут проанализировать текущую ситуацию в населенном пункте и задать вектор совершенствованию городской среды;

– идея необходимости коммуникации – идентификация состояния окружающего мира и деятельность по его преобразованию невозможны без общения между заинтересованными субъектами.

Подводя итоги, отметим, что:

1. Городские пространства обладают характеристикой, следовательно, любую локацию необходимо изучать отдельно на базе той социокультурной обстановки, которая существует в городе.

2. Формирование образа города – процесс, осуществляемый непосредственно жителями города (группами). Он является непрерывным, а для его организации требуется постоянное взаимодействие горожан, выступающих в качестве субъектов преобразований окружающего мира.

3. Дискурсы выступают в виде механизмов выработки отношения к городу посредством указания релевантных предметов. Они же становятся основой для практических преобразований городского пространства.

4. «Место», или «геокультурное пространство», гарантирует ценностно-смысловую составляющую городских локаций. Каждое место следует понимать не с позиции физических и функциональных свойств, а как ценностно-символическое представление жителей города.

5. Мифогеография является наиболее релевантной применительно к изучаемой теме, поскольку с ее помощью можно вывести характеристику локациям посредством знаков, символов, смыслов и т.д.

Философские подходы к пониманию города

В целостном восприятии города важно установить действенные механизмы и формы осознания данного понятия. В научной среде существует три главных подхода в интерпретации термина: функциональный, социокультурный и дискурсивный. Далее предоставим описание каждого из них.

1. Функциональный. Он основывается на описании города как локации для реализации витальных и социальных потребностей. В качестве основного принципа устройства города выступает детальная планировка. Среди задач градостроителя – размещение объектов (зданий), промышленных и других территорий согласно функциям, возлагаемым на этот населенный пункт (в том числе заранее определенных). Задача города – выполнение возложенных на него функций, т.е. населенный пункт является машиной, осуществляющей витальные составляющие жизнедеятельности. Этот подход упускает из виду возможность динамики и возникновения новых функций. Другими словами, город в функциональном подходе – это замкнутая система, функционирующая по заданному алгоритму, т.е. определенные этапы развития цикличны.

В 1993 г. IV Международным конгрессом современной архитектуры CIAM одобрена Афинская хартия. В документе отражены принципы градостроительства, которые приняты на основании функционального подхода [25].

С. 46]. Основным целесообразным вариантом жилья длительное время являлся многоквартирный дом. Также предусматривалось деление городского пространства на функциональные зоны, например, на жилые кварталы, промышленные территории, локации отдыха и транспортную инфраструктуру. Представленная классификация на элементы упрощала планирование городского пространства, но не учитывала многочисленных проблем. Пространства использовали часть дня, а оставшийся временной отрезок оставались разгруженными. В результате спальные районы города были заселены криминальными элементами днем, а ночью они перемещались в центр города. Произошло разделение города на «точки», т.е. локации, в которых преимущественно осуществлял жизнедеятельность человек: дом, работа, зоны отдыха и приобретения благ. Такие «островки» размещались в другом пространстве, добраться до которого требовалось по определенным путям. В результате количество времени, чтобы проехать из одной зоны в другую увеличивалось пропорционально размерам города. Это было сопряжено с рядом трудностей (лишений), что постепенно накапливало недовольство у местных жителей. В городе становилось меньше возможностей для пересечения различных отраслей жизнедеятельности, а гражданская активность людей постепенно снижалась. Принцип свободной застройки стал причиной стирания черты между публичным и частным пространством. Это привело к неопределенности принадлежности локаций: какие относятся к дому, а какие – к городу. Улицы потеряли статус типично общественных мест, постепенно преобразовывались в транспортные магистрали. К дворовым территориям получило доступ все большее количество людей, следовательно, безопасное пространство уменьшилось до метража квартиры. Жильцам такое положение дел определенно не нравилось, поэтому жилища получали все большее количество ограждений (заборы, жалюзи и др.), поскольку люди пытались обозначить этим способом собственную территорию [26. С. 295]. Мысль понимания города с позиции функционального подхода прослеживается в литературных трудах А. Лефевра [27. С. 251]. Город является не только способом витальных и социальных нужд, но и возможностью сохранения капиталов.

По мнению А. Лефевра, каждая зона городского пространства выполняет конкретные функции [Там же. С. 255]. Данная идея утратила актуальность, когда городское пространство начали воспринимать в культурно-символическом аспекте.

Основываясь на результатах изучения восприятия городского пространства, можно сделать вывод, что местные жители оценивают не только функциональную сторону городских пространств, но в своих оценках ориентируются и на ценностно-мировоззренческую специфику собственного сознания [28. С. 145]. Более того, классификация города по функциональным территориям стирается, в результате чего прогнозирование развития теряет смысл.

Результатом видения города как замкнутой системы, основной задачей которой является реализация определенных функций, становится развитие враждебной среды, уменьшение гражданской активности жителей города, утрата идентичности. В итоге перечисленные факторы приводят к трудностям прогнозирования и неэффективности управления. Если город, устроенный на базе функционального подхода, расширяется (растет как количество населения, так и территория), то он становится «мегамашиной». Это понятие

введено Л. Мамфордом для структур, где утрачена позиция сохранения целого и ответственности за целое [29. С. 321].

Понятие «мегамашина» применительно к мегаполису, поскольку город уже не прослеживается целиком, т.е. в нем невозможно выявить закономерности и взаимосвязи, следовательно, отсутствуют ответственные за последствия субъекты. Жители мегаполисов тратят значительные финансовые ресурсы исключительно за опцию проживания в таких населенных пунктах, причем уровень жизни по мере роста не только не улучшается, а наоборот, снижается. Городом необходимо управлять, однако по мере расширения его пространства возникает этап, при котором развитие протекает независимо, экспоненциально, стихийно. Как следствие, появляется огромное количество проблем в городской жизнедеятельности. Степень разрозненности городского сообщества в мегаполисах достаточно высокая, оно формируется из мелких социальных групп, которые объединены общим началом. Управление в таком сообществе приобретает авторитарный характер и не принимает во внимание специфику небольших общностей. Тем не менее город – это сложная система, проходящая через саморазвитие, вследствие чего требуется анализировать его динамику, принимая к сведению всех значимых субъектов. Стандартный перенос опыта из прошлого на будущее здесь неуместен.

Функциональный подход не учитывает интересы жителей города, создает помехи на пути формирования удобной среды, упускает из вида возможности его саморазвития. Это привело к тому, что данный подход в научной среде признан устаревшим [30. С. 33; 31. С. 280; 32. С. 57]. Тем не менее он еще превалирует в российских городах, но все более отчетливо просматривается вектор понимания городского пространства в культурно-символическом аспекте. Начиная с 1960-х гг. западные эксперты начинают противодействовать формальному технократическому планированию, которое в конечном итоге порождает мегамашины. В качестве альтернативных были выбраны принципы человеческой ценности и учета личностных потребностей. Коммуникационная власть (данное понятие ввел Ю. Хабермас) стала альтернативой авторитаризму, а урбанистика была выбрана как антипод стандартному проектированию городского пространства [33. С. 132].

Возникло мощное движение, основной целью которого считалось налаживание связей проектантов (архитекторов) с жителями города, т.е. создание двухсторонних отношений. В результате население получало информацию о преобразованиях городского пространства и возможность участвовать в процессе обсуждения таких изменений. Проектирование и управление городами начало осуществляться в социокультурном аспекте.

Переход от модели социотехнического проектирования, которую можно сформулировать как «люди для города», к вектору социокультурного проектирования под названием «город для людей» осуществляется исключительно в рамках четкого понимания взаимовлияния образа населенного пункта и жизненными потребностями его жителей [34. С. 32].

2. Социокультурный (средовой). Представленный подход имеет ряд принципиальных отличий от функционального, которые заключаются в нарастании роли рядовых жителей, выступающих субъектами городских преобразований. В данном подходе горожане являются заинтересованными в формировании векторов развития города лицами. Взаимодействие жителей

города и властей предусматривает непрерывность, равнозначность, интенциональность и коммуникативность. Другими словами, процесс взаимодействия должен быть выстроен на принципе партнерства.

С одной стороны, катализатором преобразования города являются местные жители, их интересы, нужды. С другой стороны, в развитии городской среды участвуют властные структуры, наделенные определенными полномочиями и располагающие требуемыми ресурсами. При наличии реального сотрудничества указанных субъектов развитие города идет по идеальному сценарию. На практике все происходит с точностью наоборот: столкновение интересов субъектов неизбежно, что приводит к нарастанию социальной напряженности и становится главной причиной принятия неправильных решений [35. С. 4].

Как механизм ликвидации приведенной негативной тенденции используется социальная диагностика. При изучении общественного мнения управленцы получают актуальную информацию о текущих интересах народа. Возросшая популярность социологических опросов свидетельствует об осознании властями города необходимости учитывать мнение местных жителей в вопросе изменения городского пространства [36. С. 65]. Видение города у горожан и городских сообществ отличается, поскольку он становится субъективным феноменом, т.е. имеет индивидуальные характеристики для каждого человека. В список главных задач управленцев входит согласование представлений о населенном пункте. Общее понимание городского пространства вырабатывается только при взаимодействии жителей и городских сообществ. Как следствие, управление обязано учитывать коммуникативные процессы, просчитывать интересосубъективные представления о городском пространстве, предвидеть социальное поведение при принятии определенных решений.

Функциональный и социокультурный подходы рассматриваются с позиции факторов разработки и инструментов совершенствования городского пространства. С условной точки зрения функциональный подход можно обозначить, как «город влияет на население», а социокультурный подход определить, как «население влияет на город» [37. С. 33].

Функциональный подход исследует объективное физическое пространство (размещение, предназначение объектов, трасс, парковых комплексов и т.д.), а его природа становится основной причиной, детерминирующей коммуникативную среду и интересы горожан [38. С. 486].

Преобразования города влекут изменения для местных жителей, в том числе коммуникативного городского пространства, которое становится иным вследствие возведения новых жилых кварталов, прокладки дорог, развития инфраструктуры и т.д. Это значит, что физическое пространство города превалирует над коммуникативным. По факту оказывать воздействие на городское пространство имеют право только урбанисты, проектировщики и управленцы. Основной проблемой данного подхода является различная специфика коммуникативных пространств, несмотря на то, что многие города имеют схожие внешние характеристики. На практике отсутствует взаимосвязь физической и коммуникативной среды города.

В качестве основного тезиса социокультурного подхода выступает следующая фраза: «по людям можно определить, в каком городе они живут».

Преобразования в области социальной структуры неизбежно влекут трансформацию городского коммуникативного пространства.

Логике социокультурного подхода можно объяснить следующим образом. Горожане имеют собственные ценности и нужды, мировоззрение, на которых власти играют в процессе политического противостояния, возводя объекты, характеризующиеся определенным значением для местных жителей. Тем самым происходит преобразование городского пространства. В качестве главного тезиса здесь выступает формулировка, что по городу определяется специфика местного населения.

3. Дискурсивный. В рамках социокультурного подхода функционирует дискурсивный подход к интерпретации факторов создания и совершенствования городской среды. Дискурсивный подход основан на понятии языка, который предопределяет исследовательскую оптику. Мы видим те объекты, которые поддаются визуализации, поскольку описываем это так, как умеем [39. С. 111]. В процессе фиксации объекта в сознании и речи он получает несколько функций, которые в дальнейшем пытается выполнять.

Два различных описания идентичного объекта могут внести значительные коррективы в его суть. Дискурсы, т.е. определения ситуаций посредством языковых средств, приобретают важное значение в развитии населенного пункта, так как вырабатывают отношение жителей города к перспективам преобразования городского пространства.

В итоге существуют три главных теоретико-методологических подхода к интерпретации сущности города. К ним относятся: функциональный, социокультурный и дискурсивный.

Перечисленные подходы имеют ряд принципиальных отличий друг от друга. В первую очередь, отличие заключается в функциях, которые выполняют управленцы города (использование ресурсов и функций между структурными компонентами города или согласование потребностей городских групп). Также отличается понимание природы города (как перечень функциональных территорий и материальных объектов или как перечень представлений и деятельность жителей города). Третье отличие – в возможностях совершенствования городского пространства (преобразование зависит от деятельности властных институтов или преобразование основывается на согласовании интересов городских групп и институтов власти).

Функциональный подход утратил актуальность, поскольку власти городов используют преимущественно социокультурный подход. Это значит, что мнение местных жителей в развитии городского пространства неизменно учитывается при принятии управленческих решений.

В социокультурном подходе отдельно существует дискурсивный подход. Он акцентирует внимание на важности исследования дискурсивных практик местных жителей. Данный подход выбран в качестве основного в данной работе.

Еще одним важным аспектом работы является понятие комфортности городской среды. Большинство жителей испытывают потребность в комфортном городском пространстве, а это сопряжено с постоянным улучшением уровня жизни населения.

Функциональный подход предусматривает, что комфорт в городе полностью зависит от управленцев, которые предвидят значимые, по их мнению,

функции и свойства городского пространства. Социокультурный и дискурсивный подходы предполагают, что комфорт зависит от горожан, деятельность которых регламентирована повседневными практиками и коммуникациями.

Далее в исследовании будет подробно описан феномен комфортности городской среды, который прослеживается на государственном и индивидуальном уровне.

Социальное и публичное пространство в философии города

Важное значение в городе отводится социальным пространствам. По сути, они создают сам город. По мнению П. Бурдьё, социальное пространство представляет собой абстрактную категорию, в состав которой входят поля. На структуру этих полей оказывает влияние распределение капиталов людей, используемых в ходе непрерывного взаимодействия жителей города [40. С. 52].

По мнению Г. Зиммеля, социальное пространство представляет собой часть социума, к которой личность относит себя и проводит условную грань, чтобы ограничить от влияния других индивидов и групп [41. С. 54]. С точки зрения П. Сорокина, социальное пространство является вселенной, в которую вклеены все люди, населяющие планету. Пространство относится к социальному типу, когда в нем происходит взаимодействие людей, т.е. здесь должны находиться как минимум двое индивидов. Установить статус личности в социальном пространстве можно только по отношению к другим личностям [42. С. 231].

А. Лефевр разработал неомарксистскую концепцию пространства. Специалист высказал мысль о производстве городского пространства, суть которой состоит в том, что оно формируется вследствие экономических, культурных, социальных взаимодействий. Исходя из этой теории, город является социокультурной, аутопойетической, саморазвивающейся системой [43. С. 234].

По мнению А. Лефевра, пространство изменчиво, поэтому во многом предопределяется социальными отношениями. В своем исследовательском труде «Производство пространства» автор аргументирует связь между физическим, ментальным и социальным пространством [Там же. С. 321].

В нашей работе под социальным пространством подразумевается сфера социальных отношений и взаимодействий. Оно классифицируется по двум основным категориям: публичное и приватное. Различия между ними – это разница между объектами, которые выносятся или не выносятся на всеобщее ознакомление, т.е. требуют или не требуют потаенности (интимности).

В публичном и приватном пространствах существуют места, но требования, которые предъявляют к ним жители города, значительно отличаются. Далее опишем каждое из указанных пространств.

1. Приватное пространство. Рамки приватного пространства находятся в доме, личном жилище человека. Здесь осуществляется частная жизнедеятельность, которая недоступна посторонним лицам. Данный вид пространства находится в распоряжении индивидов, поэтому они вправе изменять его, исходя из своих предпочтений и потребностей. Приватное пространство дли-

тельное время оставалось малоисследованным, поскольку его часто относили к разновидности публичного.

В большинстве случаев приватное пространство противопоставлялось публичному виду, поскольку в нем протекает отдельный от социума вариант жизнедеятельности. Многие эксперты сходятся во мнении, что приватное пространство представляет собой другую социальную действительность, создаваемую в процессе освобождения личности от существующих в публичном пространстве законов и привычных моделей поведения [44. С. 44].

С точки зрения З. Баумана и У. Бека, приватизация пространства становится причиной общественного кризиса, деструктивных процессов в обществе, деградации больших социальных групп, упадка общественных ценностей [45. С. 41]. Например, З. Бауман в своем исследовании «Текущая современность» высказывает мысль о том, что приватное пространство вызывает стратификацию общества, т.е. сковывает дискурс социума [Там же. С. 47].

Более того, стремление жить на личной территории способствует выработке у людей массы негативных качеств [46. С. 152]. Они не сочувствуют другим индивидам, теряют социальную эмпатию. Приватное пространство оправдывает позицию непричастности к решению чужих проблем, вырабатывает отстраненность от многочисленных событий в обществе. Тем не менее человеческая природа устроена таким образом, что иногда ему требуется почувствовать себя частью чего-то большого и значимого. В этом заключена двойственность человеческой натуры, которая четко прослеживается в современных условиях. Например, жители города не желают приносить в жертву собственное благополучие для реализации общих целей, однако у них постоянно возникает необходимость чувствовать родственные или близкие связи, что предопределяет степень открытости [47. С. 87].

В итоге приватное пространство в России проходит через стадию становления и выработки адекватного отношения к нему. «Места» в рамках приватного пространства считаются приватизированными, т.е. заключают в себе специфическое значение, поскольку эта территория настраивается под индивидуальные нужды каждого владельца.

В данном типе пространства проблема «не-мест» отсутствует, так как о нем помышляет каждый человек, следовательно, оно не покидает его жизненный мир. Тем не менее на вопрос о требованиях к приватным местам ответ так и не предоставлен, ведь отношение к ним не имеет прямой связи с интерпретацией городского пространства.

Изучим категорию публичного пространства города. Данное понятие возникло в научной среде в середине XX в., однако по-настоящему популярным термин стал в 1990-е гг., что обусловлено переосмыслением общественных пространств в Европе. Однозначная трактовка представленного понятия не выведена, поэтому мы приведем наиболее распространенные дефиниции. Либеральная теория подразумевает под публичными пространствами территории (области), на которые не распространяется государственный контроль. Здесь граждане могут свободно вести жизнедеятельность, например экономическую. В узкой трактовке под публичным пространством либералы понимают рынок [48. С. 51].

Социально-демократическая теория располагает противоположным взглядом на публичные места. Она не вносит рынок в сферу публичных пространств, так как экономические интересы неизменно носят частный характер, т.е. рынок контролируют лица, стремящиеся получить личную выгоду, а область публичного – это, прежде всего, частная категория, которая создает возможность охраны общего блага и интересов [49. С. 459].

По мнению Ю. Хабермаса и Х. Арендт, публичное пространство является областью свободной коммуникации и социального взаимодействия жителей города [50. Р. 128; 51. С. 121]. Точки соприкосновения затрагивают общезначимые вопросы, которые не относятся к частным интересам субъектов. На базе этого взаимодействия решается огромный перечень социальных проблем и вырабатывается единая позиция по ним. В итоге этот подход прослеживает взаимосвязь публичного пространства с выработкой политических решений.

Учитывая приведенное мнение, в качестве публичного пространства могут выступать городские площади, места общественного питания, средства массовой информации, т.е. все места, где можно организовать обмен общественными мнениями. По мнению И. Гоффмана и Р. Сеннета, публичное пространство является местом различных встреч, общественных контактов, но не имеющих определенной цели (в этом заключается основное отличие от предыдущего подхода) [52. С. 223; 53. С. 47]. В данном контексте публичное пространство выступает как область множественных незапланированных взаимодействий.

На основании этого подхода публичными являются любые места для встреч незнакомых лиц. Однако главной характеристикой публичной сферы является то, что в ней происходит. Взаимодействие незнакомых лиц активизирует определенный вид жизнедеятельности, поскольку он невозможен в приватном пространстве.

Нами выведен ряд критериев публичного пространства. Для него характерны следующие свойства: опция управления обществом, свободный доступ для всех желающих, наличие общественных целей у взаимодействующих людей.

По мнению В. Аккончи, публичное пространство представляет собой конкретное место, т.е. территорию, на которой собираются люди [54]. Специалисты классифицируют публичное пространство на две основные категории:

1) Публичные априори. Подразумеваются территории, созданные специально для сбора людей, а само право собраний предоставлено «свыше». В большинстве случаев публичное пространство размещено в центре города, но вместе с тем является изолированным от оставшихся зон населенного пункта. Оно выделяется контрастно, т.е. в нем есть, например, уличные тупики или укромные аллеи.

2) Созданные горожанами пространства. Изначально право свободного сбора людей в нем отсутствует, поэтому его приходится завоевывать. Эти локации не принадлежат общественности, и представляют собой закрытые частные пространства [55. С. 10]. Жители города чувствуют себя обделенными, так как у них отсутствует свободное пространство. При его захвате оно в течение определенного времени все равно становится частным, что объясняется формированием новой иерархии общества [56. С. 10]. Частное пространство приобретает публичный статус, ведь у общественности созрела потреб-

ность в этом. Обратный процесс наблюдается, если обосновавшаяся общественность стремится сохранить это место.

Публичное понимание пространств оформлено еще в прошлом столетии. Главная роль в нем отводится двум аспектам: осознанию потребности взаимодействия индивидов в конкретной локации и противопоставлению частного общему [57. С. 145]. Тем не менее сегодня эксперты отмечают эрозию публичности, поскольку современные города испытывают нехватку мест, которые ранее относились к публичным [58. С. 74; 59. Р. 10; 60. Р. 282]. Как следствие, произошла трансформация многих публичных пространств или, как отмечают некоторые специалисты, они вовсе исчезли с городских локаций [61. Р. 320]. С нашей точки зрения, верным является первое утверждение.

На самом деле в эпоху информационных технологий преобразуются не только публичные пространства, но и повседневная жизнедеятельность горожанина.

В первую очередь, на указанное преобразование оказывает влияние возросший фактор мобильности. Ежедневно человек посещает огромное количество локаций, в том числе в различных уголках планеты. Темп жизни ускоряется, поэтому многие объекты претерпевают значительные изменения. В результате мысль о том, что публичное место является территорией сбора и нахождения там определенное количество времени людей, становится неактуальной.

Жители города все реже предпочитают задерживаться в одной определенной локации, поскольку мобильность становится залогом выживания и успешности в современном мире [62. С. 85]. Для обсуждения вопроса или проблемы отсутствует потребность встречи в конкретном месте, поскольку существует множество виртуальных приспособлений для реализации этой задачи. В итоге публичные места в старой интерпретации выбиваются из привычного представления о мире.

В современном мире личные ценности превалируют над социальными, вследствие чего уровень эгоистичности жителей города постепенно возрастает. Однако в этом процессе есть позитивная сторона: например, чем успешнее каждая отдельная личность в обществе, тем более успешным будет социум в целом. У людей формируются такие качества, как рационализм, практичность, поэтому особую ценность приобретают краткосрочные результаты операций, а не абстрактные категории, необходимые для общества. В итоге общественный интерес, который ранее был базой для проведения публичных собраний, утрачивает свою актуальность. Сегодня ценностными считаются общие интересы, которые вырабатываются в области соприкосновения личных интересов человека или социальных групп. Представленные интересы постоянно претерпевают изменения и становятся неактуальными, если цель достигнута.

Можно утверждать, что в современных городах формируются новые публичные пространства, полностью соответствующие потребностям местных жителей. Ранее приватное пространство тщательно ограждали от публичного пространства, поскольку считали, что таким образом оно станет общим и не будет использоваться в личных интересах владельца.

Сегодня многие осознают, что публичное пространство основывается на частных интересах людей. Публичный статус реализуется только за счет ука-

занных интересов, иницирующих социальное взаимодействие. Только в рамках публичного пространства возможен обмен капиталами для реализации личных интересов.

Итак, публичное пространство представляет собой открытую территорию, которая адаптирована для размещения жителей города и постоянных взаимодействий между ними. В первую очередь, это место для людей. Основной характеристикой такой локации должна стать комфортность вне зависимости от возрастной категории, половой принадлежности, социального статуса людей.

Уровень комфорта человека в частных местах, как правило, высокий, поэтому планка оценки публичных мест находится высоко. Более того, публичные пространства обязаны что-то предоставлять своим посетителям.

Другими словами, при намерении посетить публичное место возникает определенная цель, например, приобретение товара, общение, встреча и др. При возможности реализации этой цели публичное пространство становится актуальным.

Публичное пространство – это локация, в которой люди находятся определенное время и регулярно посещают ее с целью взаимодействия между собой. Например, на многих европейских площадях размещены места общепита или торговые площади.

Существуют различия между публичными и общественными местами. В общественных местах личность остается малозаметной, поскольку основная функция таких локаций заключается в удовлетворении физических потребностей (речь идет, например, о залах ожидания, остановках общественного транспорта, общественных уборных и т.д.).

Что касается публичных пространств, то они ориентированы на самопрезентацию личности, т.е. обладают возможностью театрализации взаимодействий. Модель поведения людей в публичном пространстве носит демонстративный характер. Здесь личность стремится быть на виду, выставить на всеобщее обозрение свои способности или потребности.

Таким образом, у публичного пространства есть ряд принципиальных отличий.

Во-первых, это место, в котором могут собираться горожане, или локация, где они желают находиться. Реальный или виртуальный статус места в данном случае не имеет значения.

Во-вторых, в данном месте происходит обмен мнениями, общение, взаимодействие двух и более людей. Специфика цели взаимодействия (личная или общая) не оказывает влияния на характеристики самого места.

В-третьих, данное место изменчиво, особенно в свете возросшей мобильности горожан.

В-четвертых, место обладает элементами театрализации, т.е. в нем жители города могут провести демонстрацию или обнародование своего мнения (позиции).

В-пятых, горожане посещают данное место чаще всего с частными интересами.

Публичные пространства имеют особое значение в жизнедеятельности горожан, поскольку делают ее более насыщенной и комфортной. Тем не менее в последнее время это место подвергается значительным преобразовани-

ям, поскольку цель существования этих локаций заключается в удовлетворении частных интересов. Количество людей, использующих такие места, постепенно уменьшается, что связано с растущими возможностями виртуальных публичных пространств.

Горожане оказывают воздействие на публичные пространства, однако они в данном процессе являются не единственными субъектами. Значительные преобразования в рассматриваемый вид локаций вносят институты власти и бизнес сообщества, поскольку они аккумулируют ресурсы для видоизменения публичного пространства.

Понятие «место» обычно сопряжено с термином «пространство». Пространство – это значительная территория, в состав которой входит несколько мест. Однако указанные понятия отличаются. Например, под пространством подразумевают абстрактную категорию, которая поддается осмыслению, но не визуализации, в то время как место тесно связано с реальным миром, т.е. оно визуально и физически определено.

По мнению Г. Башляра, место обладает первичным значением в сравнении с пространством [63. С. 201]. Изначально личность осознает собственную локацию, после чего соотносит свое местонахождение в пространстве.

Место – это пространство, где проявляется идентичность человека, происходит его жизнедеятельность. Место одновременно является протестом, направленным против бесперспективной гонки за пространством. Сегодня существует два основных подхода к пониманию «места» – функциональный и интерпретативный.

Функциональный подход основывается на том, что место обладает определенными размерами и расположением в пространстве, а также оказывает различные блага для человека (общества) – пища, сон, развлечения и т.д. Количественное восприятие места видится вполне логичным, поэтому типологизация места в зависимости от объективных признаков также стала привычным событием. Функциональный подход не акцентирует внимания на идентичности места, его значении для жителей города, которое иногда отличается. Данный подход не брал в расчет конкретное «здесь», наделенное идентичностью.

Интерпретативный подход описывает место в качестве локуса пространства, которое имеет смысл и душу. При наличии особой связи с местом у жителей города оно получает указанные характеристики. В связи с этим вопрос о сущности места утрачивает актуальность, а уместнее интересоваться местами, связанными с определенной локацией. Другими словами, данный подход берет за основу интенциональную связь человека и места, акцентирует внимание на индивидуальных ценностях и ожиданиях наряду с средовой и культурной спецификой. В подходе отсутствует момент усреднения и типологизации, идентификации общего, объективного, нейтрального значения, так, при таком векторе теряется из виду повседневный мир жителей города. Место не проецируется в человеческом создании как простая категория, оно обладает характеристиками субъективности и, следовательно, интерпретируется по-разному, исходя из перспектив наблюдения.

В нашем исследовании использован этот подход. Изучим представление о «месте» приверженцами интерпретативного подхода. Например, М. Оже указывал на три основных свойства места:

1) идентификация: благодаря месту личность определяет себя и характеризует локацию;

2) наличие особой связи между объектами и людьми: место выступает связующим элементом, причем несколько структурных компонентов могут находиться в одной и той же локации. Между объектами и людьми в одном месте формируется уникальная связь.

3) историчность – сохранение в исторической памяти значимых событий [22. С. 25]. По мнению М. Оже, основным свойством места становится его связь между прошедшим и будущим. В результате возникает историчность, при которой местные жители могут увидеть знакомые детали. Историчность устанавливает связь между поколениями и позволяет людям осознать свою идентичность. Гуманистическая география исследует место не с позиции географических координат, а на основании связи людей с конкретной локацией в пространстве, т.е. в аспекте различного континуума отношений.

Наличие указанных связей создает из точки место, идентифицируя ее среди остальных. В гуманистической географии места наделено хоретическим размером, а не топографическим, это значит, что она определяется не столько с помощью географических координат, сколько посредством полученного от людей значения.

По мнению Д. Харви, справедливо утверждение о том, что место является таковым только после придания ему определенного смысла [64. С. 50]. Тем не менее специалист указывает на то, что смыслы не обладают самостоятельностью, поскольку навязаны превалирующим дискурсом, а он, в свою очередь, транслируется политической и символической властью. На смыслы также влияют экономические и социальные условия, в которых существуют создатели. Под каждым местом Д. Харви понимает временной отрезок «постоянства» в процессе непрерывного континуума, неизбежно преобразующего все вокруг [Там же. С. 51].

Движение капиталов, людей, мыслей, различных ресурсов отходит на второй план и останавливается, вследствие чего у этой среды вырисовывается «место», под которым подразумевают населенный пункт или другую локацию. Физическая оболочка места возникает на базе коммуникативного пространства. Теорию непостоянства мест поддерживает Р.В. Дмитриев. С точки зрения эксперта место представляет собой динамическую конструкцию, которая непрерывной формируется и видоизменяется [65. С. 34]. По мнению О.И. Якушиной, местами являются пространства, которые могут использоваться пешеходами. Под ними подразумеваются общественные места для осуществления прогулок, приобретения товаров и т.д. [66. С. 34] В этом аспекте важно обратить внимание на то, что пространство вырабатывается на основе взаимодействия – зачастую незаметного, однако для его создания требуется соглашение, определенная модель поведения в конкретном «месте».

Под физическими местами в городе подразумевают, прежде всего, кофейни, парки, личное жилище. Они являются мини-проводниками в виртуальный мир, а их существование обусловлено временем выполнения данной функции. Указанный факт изменил смысл места окончательно, однако текущее понимание места не вступает в конфронтацию с мыслью о том, что место выражает ценность для жителей города. Если ценностная ориентация трансформировалась на необходимости выйти в Сеть, то места подстроились под

запрос. Интернет сегодня функционирует во всех общественных местах, именно поэтому не стоит утверждать, что «места умерли», по мнению, например, М.А. Васильевой [67. С. 7]. В этой связи логично утверждать, что библиотеки связаны с миром героев в литературных произведениях.

Интернет не стал первым изобретением человечества, который выбил людей из окружающей действительности, однако по масштабу ему не было равных в истории. По мере его распространения физические места получили ценность, но никак не вымерли, при этом фактор мобильности негативно не сказался на местах. Теперь мировое пространство намного шире. Безусловно, актуально говорить о возникновении виртуальных мест. По мнению В.И. Щерова, понимание места в современном мире трансформировалось. Специалист указывает на то, что место идентифицируется не по аутентичности, историчности и прочим факторам, а по локализации в сети и тех потоков, которые через него проходят. Место ориентируется не внутрь, а на внешние источники, преимущественно через отношение к другим локациям [68. С. 105]. В итоге выделяются два подхода к пониманию места в рамках интерпретативного подхода:

1. М. Оже, Д. Харви, О.И. Якушина, Г.З. Каганов: место становится связующим компонентом между физическим пространством города и его жителями. Оно формируется в результате непрерывных практик, включая коммуникативный вид. Как следствие, место изменчиво, а процесс его формирования зависит от общих дискурсов. Пространство выступает в качестве места, когда жители города наделяют его смыслом, что является основополагающим условием. Отдельное внимание следует акцентировать на том, что место обязано быть аутентичным, т.е. способствовать самоидентификации личности и иметь связь с важными событиями в ее жизнедеятельности.

2. В.И. Щеров, М. Кастельс: место является точкой пространства, через которую проходят потоки и движения. Для нее необязательны характеристики историчности, идентификации, аутентичности и т.д. Достаточным для этой точки является то, чтобы она имела взаимную связь с другими элементами сети и занимала в ней определенное место. Термин «место» может быть заменен термином «пространство потоков». Для перечисленных подходов характерно, что как реальное, так и виртуальное место должно быть наделено смыслом и отвечать потребностям горожан в комфорте. Находиться «в месте» означает иметь с ним связь, говорит о вовлеченности в него, принадлежности к нему, а не только лишь о наблюдении за ним. Пространство может называться «местом» тогда, когда люди, находящиеся в нем, переходят от роли наблюдателя к роли участника. В этом случае место обретает форму, больше не является только пейзажем или фоном, а становится самостоятельным организмом с присущими ему контактами, переговорами, столкновениями людей и вещей.

Анализ существующих подходов к концептуализации «не-мест» города

Перейдем к рассмотрению концепции «не-мест». Понятие «не-место» введено французским антропологом М. Оже в начале XX в. С точки зрения автора, местом может называться пространство, способное выступать диалоговым или связующим, в свою очередь, пространство, которое не может быть

определено как диалоговое или связующее, можно определить как не-место [22. С. 25]. По мнению М. Оже, не-места не способны оказывать влияние на идентичность горожан, так как они не имеют связи с жителями города и не объединяют в себе элементы прошлого и современности. М. Оже называет местом, например, перекресток, так как пространство перекрестка позволяет людям встречаться в определенной точке и коммуницировать, при этом транспортные развязки он называет не-местами в соответствии с его классификацией. Анализируя подход М. Оже, можно отметить, что под не-местами он понимает такие пространства, где люди находятся либо временно, либо вынужденно: гостиницы, залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и т.п., т.е. это пространство, где индивид не живет постоянно, их функция – транзит, часто они бывают связаны с путешествиями и обеспечением мобильности, что лишает их формирования особенного к ним отношения среди посетителей, аутентичности и наличия характерной идентичности.

Современные продолжатели идей М. Оже из числа исследователей городского пространства согласны с ним в его основных положениях, рассмотренных ранее, и предполагают, что к не-местам помимо перечисленных можно отнести магистрали, автодороги, зоны парковок, т.е. места, не предназначенные для пешеходов [69. Р. 70].

С точки зрения З. Баумана, главной характеристикой не-мест является отсутствие коммуникации и взаимодействия между горожанами на их территории. В своих трудах он называет не-места «местами пожирающими», иллюстрируя свое видение примером некомфортных и неприветливых городских пространств Франции, таких как La Defense в Париже, или приводя в пример масштабные торгово-развлекательные комплексы [45. С. 61].

Хотя термин «не-место» изначально негативно окрашен, так как способствует разрушению целостности городского пространства, З. Бауманом выделены две позитивные функции «мест пожирающих»: контраст с бессмысленностью не-мест наделяет значением остальные пространства городской среды; не-места позволяют горожанам ограничить себя от «чужих» или «незнакомцев», так как контакты в «местах пожирающих» сведены к абсолютному минимуму [Там же. С. 65].

Отметим, что З. Бауман критически высказывается о том, что для горожан характерно все более автономное существование: «современные индивиды, живущие в больших городах, катастрофически не умеют сосуществовать в условиях неустраимых различий, а безопасность оказывается для них превыше свободы» [Там же. С. 67].

Философская проблема концептуализации «не-мест» является достаточно новой, при этом взгляды на причины ее возрастающей актуальности достаточно разнообразны.

М. Оже связывает возникновение «не-мест» с понятием сверхсовременности, характерными чертами которой он называет постоянно возрастающее количество социальных событий, возможность свободного выбора горожанами пространств и траекторий перемещений в них, возможность индивидуального истолкования происходящих событий, т.е. способность оценивать происходящее без опоры на мнение общественности [22. С. 12].

В свою очередь, З. Бауман считает, что эта тенденция связана с «текущей современностью», для которой характерно наличие личной свободы и «сла-

бых связей» между горожанами, как считает автор, связи людей в городе поверхностны и кратковременны. З. Бауман указывает на самоочевидный факт увеличения скорости социальных взаимодействий и процессов, что, как считает автор, говорит о том, что пространство утрачивает свою ценность [45. С. 24]. Помимо этого, З. Бауман говорит о смещении ценностных приоритетов от коллективных к индивидуальным [Там же. С. 116].

Индивидуальный комфорт, собственные ценности и интересы горожан все более доминируют над общественными. Подобная ситуация предполагает, что город теряет характерную для него ранее роль места обсуждения коллективных интересов, а горожане в общественных пространствах, утратив единую цель общения, стараются минимизировать коммуникацию друг с другом. «Истинные» социальные интеракции теперь возникают только в случае, когда оба участника коммуникации могут получить личную выгоду в результате диалога. В противном случае горожане стремятся к минимизации контактов, т.е. они больше не являются «гражданами», а становятся лишь «незнакомцами», которые принимают участие в общественной жизни, скрываясь под «маской вежливости», необходимой для амортизации череды случайных «столкновений» друг с другом.

При этом необходимо отметить, что в городах существуют пространства, где горожане могут не использовать «маску вежливости» и где каждый из них может существовать автономно. Именно такие места З. Бауман называет «пожирающими». В качестве примера такого места можно привести торговоразвлекательные центры. З. Бауман пишет: «Современные торговые моллы отличаются от прежних «бакалейных лавок на углу» не только размерами. Подобно средневековым карнавалам, они помогают горожанам совершать символические путешествия за пределы повседневности. Но люди собираются здесь в огромные толпы лишь для того, чтобы сильнее насладиться природой собственной индивидуальности» [Там же. С. 156]. З. Бауман считает, что идеальной моделью современного индивида и горожанина является именно потребитель.

В рамках системной теории Н. Лумана предполагается, что «не-места» возникают как результат нарушения аутопойезиса места [70. С. 68]. Аутопойетичность места предполагает, что каждое из них имеет собственный смысл и аутентичный образ, который постоянно воспроизводится ими. Высказывания «душа места» или «дух места» отражают архитектуру городского пространства – идею того, что смыслы, заложенные создателем объекта или пространства, воплощены в этом пространстве и транслируются через него.

То есть до тех пор, пока у места есть смысл, люди приходят к нему с какой-либо целью, предъявляют ему требования, а место может их выполнять – оно остается значимым и не теряет ценностно-смысловую определенность. Например, телефонные будки в Лондоне. Изначально они были предназначены для звонков по телефону, который в них находится, т.е. имели вполне конкретный смысл. Будки с неисправным телефоном вполне могли бы получить статус ненужности, однако люди стали назначать возле них встречи или заходить, чтобы поговорить по сотовому телефону, таким образом реабилитировав существование будок в городском пространстве. Конечно, смысл их существования несколько скорректировался, но они по-прежнему могут отвечать запросам горожан. В целом можно сказать, что воспроизводство

смыслов – самая важная характеристика места, и совершенно неважно, какие средства оно при этом использует.

В современной урбанистической философии понятие «не-место» чаще всего ассоциируют с той частью городского пространства, которая исключена из социально активной среды города, «не-место» – слепое пятно на карте города и в жизненных мирах горожан [71. Р. 190]. Сегодня «non-places» – это не только вокзалы или аэропорты; это также улицы и площади городов, пустыри, транзитные территории и глобальные места шопинга, вроде торгово-развлекательных комплексов, неотличимые одно от другого.

Заключение

По результатам проведенного анализа мы пришли к выводу, что при изучении городского пространства возможно обращение как к функциональному, так и к социокультурному подходам, однако идеи последнего нам видятся более актуальными в современном социуме, что связано с возрастающей ролью ценностных ориентаций, связанных с необходимостью самореализации, активного образа жизни горожанина, а значит, с растущей необходимостью пересмотра взглядов и подходов к тому, кто может и должен принимать участие в развитии городской среды.

Социокультурный подход ориентирован на предположение о наличии взаимосвязи между ценностями и смыслами горожан, которые выражены в их дискурсах, и физическими пространствами городской среды. В рамках данного подхода горожане выступают активными действующими субъектами изменений, при этом их дискурсивные практики выступают частью общих социальных практик города и находят воплощение в социальном пространстве города, которое делится на приватное и публичное.

Говоря о приватном пространстве, включающем в себя места проживания горожан, проблема «не-мест» не возникает, так как приватное пространство априори ценно и значимо для его обитателей.

В публичном же пространстве проблема «не-мест» стоит наиболее актуально, что обусловлено возможностью выбора, которая есть у горожан, они не зависят от публичных пространств, на такие пространства могут оказывать влияние различные акторы жизни города, что означает, что место, изменяясь, может потерять какую-то часть своей аудитории, а иногда даже ее всю.

Нами было рассмотрено понимание термина «место» с различных точек зрения, а также было выделено два подхода к пониманию этого термина – функциональный и интерпретативный.

В нашем исследовании мы остановились на интерпретативном подходе, в рамках которого нами было выделено два понимания категории «место»: как точки пространства, которая способна пропускать через себя движения и потоки, и как связующего звена между горожанами и физическим пространством города.

Точка соприкосновения этих подходов заключается в том, что место, как виртуальное, так и реальное, должно быть наделено смыслом и отвечать запросам граждан, касающимся комфортности городской среды. Находиться в месте – это иметь с ним связь, быть вовлеченным в процессы, проходящие в нем, а не только наблюдать его.

Далее в статье были рассмотрены варианты трактовки термина «не-место», который мы определяем для себя как часть пространства города, которая исключена из общей среды города и является «слепым пятном» на его карте и в жизненных мирах горожан.

Комфортность городской среды является актуальным притязанием горожан, при этом важность тех или иных направлений развития не всегда одинакова для населения и представителей власти. Выражение представлений о комфорте со стороны властных структур происходит в основном через презентацию и реализацию политических программ и инвестирование в развитие определенных областей городской экономики и социального сектора; при этом горожане выражают свои представления иначе – через коммуникацию, социальное взаимодействие в вербальной форме, т.е. через конструирование дискурсивных практик.

Именно дискурсивные практики горожан выступили предметом нашего исследования, так как в них отражены представления о комфорте городской среды. Только взаимодействие позволяет достичь согласования в дискурсах активных субъектов развития городской среды – власти и горожан, городских сообществ, а также позволяет сосредоточить усилия на разработке совместных действий для достижения желаемого результата.

Литература

1. Berger P.L., Kellner H. Sociology reinterpreted: An Essay on Method and Vocation. London : Penguin Books, 1981. 176 p.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания: пер. с англ. М. : Academia-Центр, 1995. 323 с.
3. Raskin J.D. Constructivist theories. Comprehensive handbook of personality and psychopathology. New York, NY : John Wiley, 2006. 229 p.
4. Luckmann T. The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence // Qualitative Sociology Review. 2013. Vol. 9(2). P. 40–46.
5. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Колледж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с фр. М. : Касталь, 1996. С. 47–97.
6. Merton R. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. Vol. 74, № 2. P. 379–422.
7. Evans P. Social constructionism, stories and culture. London : Routledge, 2020. 42 p.
8. Miller G. Reconsidering social constructionism: debates in social problems theory. London : Routledge, 1993. 572 p.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : A-cad, 1994. 408 с.
10. Fairclough N. Critical discourse analysis as a method in social scientific research. London : Sage, 2001. 138 p.
11. Fairclough N. Critical discourse analysis. London : Continuum, 2001.
12. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетей, 2003. 331 с.
13. Замятин Д.Н. Метагеография : Пространство образов и образы пространства. М. : Аграф, 2004. 512 с.
14. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / сост., отв. ред. Д.Н. Замятин ; авт. Е. Андреева, С. Белоусов, Т. Галкина и др. Вып. 2. М. : Институт наследия, 2005. С. 276–323.
15. Митин И.И. Гуманитарная география : Проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и международном контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1, № 1. С. 1–10.

16. Митин И.И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого ; Южный федеральный университет. Ростов н/Д : Изд-во Южного федер. ун-та, 2014. 536 с.
17. Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск : Ойкумена, 2004. 160 с.
18. Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 368 с.
19. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 576 с.
20. Корнев И.Н. Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства // Региональные исследования. 2008. № 1 (16). С. 3–9.
21. Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
22. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А.Ю. Коннова. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 136 с.
23. Дридзе Т.М. Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон : в 2 кн. / РАН. Ин-т социологии. Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектных технологий; отв. ред. Т.М. Дридзе. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 1998. 492 с.
24. Дридзе Т.М. Градоустройство: методология исследования городского конфликта // В контексте конфликтологии. Диагностика и методология управления конфликтной ситуацией : Антология / под ред. Т.М. Дридзе, Л.Н. Цой. М. : Ин-т социологии РАН, 2001. 176 с.
25. Ле Корбюзье. Три формы расселения. Афинская хартия / пер. с фр. Ж. Розенбаума ; послесл. Ю. Бочарова и А. Раппапорта. М. : Стройиздат, 1976. 136 с.
26. Кирпичников В.М. Функциональный подход к стратегическому управлению городом в современных условиях // В мире научных открытий. 2012. № 3–1 (27). С. 293–310.
27. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
28. Суховская Д.Н. Анализ взаимосвязи ценностно-смысловых установок резидентов и нерезидентов креативных пространств и индекса человеческого потенциала городов СКФО и ЮФО // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 143–151.
29. Мамфорд Л. Миф машины / пер. Б. Скуратов, Т. Азаркович. М. : Директ-Медиа, 2007. 800 с.
30. Мокрова Н.В. Концептуальный подход к проблематике умных городов // Промышленное и гражданское строительство. 2020. № 7. С. 32–40.
31. Ленц А.А. Формирование градостроительной концепции «исчисляемый город» // Архитектура и современные информационные технологии. 2019. № 1 (46). С. 278–289.
32. Зазуля В.С. Проблематика и тенденции развития общественных пространств: отечественный и зарубежный опыт // Урбанистика. 2021. № 1. С. 56–72.
33. Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности / пер. с нем. Т.В. Тягуновой. Источник: Habermas J. Rationalisierung des Rechts und Gegenwartsdiagnose // Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. S. 332–366 // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 131–154.
34. Федотова Г.О. Понятие «генетический код» в контексте городской исторической среды // Охрана и реставрация памятников культурного наследия: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции / под ред. С.В. Семенцова. 2018. С. 150.
35. Баранов А.В., Котлярова О.В. Практические исследования креативных городских пространств: региональный аспект // Вестник экспертного совета. 2020. № 2–3 (21–22). С. 3–10.
36. Попов Е.А. Основные возможности исследования города в современной социологической науке // Социодинамика. 2021. № 2. С. 65–72.
37. Мокрова Н.В. Концептуальный подход к проблематике умных городов // Промышленное и гражданское строительство. 2020. № 7. С. 32–40.
38. Серегина Т.Н. Город как пространство трансформации // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 485–487.
39. Гусейнова И.А. Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26, № 4. С. 89–117.
40. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии, 2005. 288 с.

41. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь : пер. с нем. М. : Strelka Press, 2018. 112 с.
42. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М. : Изд-во полит. лит., 1992. 554 с.
43. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
44. Смирнов С.А. Город-кампус, или Образовательное пространство города. Методологический конструкт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 4. С. 44.
45. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
46. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; послесл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
47. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Роль креативной среды российского города в формировании ценностных ориентаций личности горожанина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 86–89.
48. Петрова В.А. Роль и функции публичного пространства в малом городе (опыт наблюдения на примере города Вязьмы) // Научное сообщество студентов : сб. материалов XIII Междунар. студ. науч.-практ. конф. 2017. С. 51.
49. Борисова О.А. Публичное пространство города как реализация горожан «права на город» // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, № 4. С. 459.
50. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge Massachusetts : The MIT Press, 1991. 328 p.
51. Арент Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.
52. Гоффман И. Поведение в публичных местах : Заметки о социальной организации сборищ / пер. с англ. А.М. Корбута ; под ред. М.М. Соколова. М. : Элементарные формы, 2017. 384 с.
53. Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М. : Strelka Press, 2016. 504 с.
54. Публичное пространство в личное время: Вито Аккончи о городе и паблик-арте. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/vito-acconci> (дата обращения: 21.06.2021).
55. Радионова Л. Публичное пространство города в социально-философской перспективе: методология исследования // Схід. 2013. № 6 (126). С. 273.
56. Штомпель Л.А. Делокализация публичных пространств современного города: культурологический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 10.
57. Николаева Ж.В. Черта идентичности: становление города // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6, № 1 (21). С. 144–159.
58. Дунаева С.Л. Философия культурной памяти горожан как субъект ее формирования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2021. № 1. С. 73–82.
59. Sabogal A. Introduction: Definition of City and Public Spaces // Urban Ecology. 2021. № 3. P. 1–15.
60. Deutsche R. The Question of “Public Space” // Public Space Reader. 2021. № 3. P. 280–289.
61. Mehta V. Public Space Infrastructures // Public Space Reader. 2021. № 3. P. 319–323.
62. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Психологические аспекты формирования личности «креативного горожанина» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 8. С. 84–92.
63. Башиляр Г. Избранное : Поэтика пространства : пер. с фр. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 376 с.
64. Харви Д. Социальная справедливость и город. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 140 с.
65. Дмитриев Р.В. Метрика пространства и теории центральных мест: старые проблемы, новые решения // Географический вестник. 2019. № 2 (49). С. 24–34.
66. Якушина О.И. Организация социального пространства современных городов в свете концепций «открытого» и «умного» города // Теория и практика общественного развития. 2021. № 4 (158). С. 33–42.
67. Васильева М.А. Пространство бытования образа. Что общего у Интернета, античного города и средневекового храма? // Дискурс. 2020. Т. 6, № 5. С. 5–15.
68. Щеров В.И. Виртуальное пространство и понятие «места» в современной философии // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 1. С. 104–107.
69. Rezaei M. Place and Non-place Theories // Reviewing Design Process Theories. 2021. № 1. P. 69–74.

70. Кукарников Д.Г. Теория общества, аутопойезис и коммуникация в социологической концепции Никласа Лумана // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 38. С. 68.

71. Benyahia S. Between Place and Non-place // *Narratives of Place in Literature and Film*. 2018. № 12. P. 188–201.

Larisa I. Ermakova, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation).

E-mail: ermakova@pgu.ru

Daria N. Sukhovskaya, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation).

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 77–104.

DOI: 10.17223/1998863X/64/9

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DISCURSIVE REPRESENTATION OF URBAN IDENTITY

Keywords: city philosophy; urban identity; non-places; city space; living space; discursive practices of city

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-111-50331.

The aim of the article is a socio-philosophical analysis of the theoretical and methodological foundations of the discursive representation of urban identity in the scientific works of domestic and foreign authors. The following tasks were set and solved in the work: (1) analysis of theoretical and methodological approaches to understanding the city in philosophy; (2) analysis of existing approaches to the philosophical conceptualization of urban space as a living environment; (3) analysis of existing approaches to the conceptualization of the concept “city space” as a construct of places significant for citizens; (4) analysis of existing approaches to the conceptualization of the concepts “place” and “non-place” of the city. To solve the problem associated with the study of theoretical and methodological approaches to understanding the city, the following theoretical and methodological approaches to the study of the problem were analyzed: social constructionism (P. Berger, T. Lukman, M. Foucault); critical discourse analysis (N. Fairclough); humanitarian geography (D.N. Zamyatin, I.I. Mitin); geographical hermeneutics (H.-G. Gadamer, V.L. Kagansky, I.N. Kornev); ecoanthropocentric paradigm (T. Dridze). The study analyzes the main approaches to the study of the city that are relevant for modern social philosophy: the functional approach (H. Lefebvre, L. Mumford, J. Habermas); the socio-cultural or environmental approach (V.L. Glazychev, T. Dridze). In the part of the article devoted to solving the problem of conceptualizing the concept “city space”, the results of the socio-philosophical analysis of the theory of social space based on the works of P. Bourdieu (the concept “social space” and the principle of vision and separation of spaces developed by him), H. Lefebvre (the concept of space reproduction), M. Foucault (the concept “disciplinary space”) are presented. When solving the problem, to address the existing approaches to the conceptualization of the notions “place” and “non-place” of the city, the article presents an analysis of the points of view of domestic and foreign authors, divided us into two groups: (1) M. Augé, D. Harvey, G.Z. Hagan (the place of the city as the connecting link between the physical space of the city and citizens) and (2) B.I. Serov, M. Castells (place as the point in space that passes through flows and movements, it does not have to be historical, identifying, binding, or authentic). The research material presented in the article allows forming a holistic understanding of the philosophy of the city as an independent philosophical direction, clarifying and detailing the theoretical and methodological resources of the theory of perception of urban space and representation of urban identity in order to find answers to topical questions in modern urban space research. The conclusions and materials presented in the work can be used in the preparation of lecture courses on the philosophy of the city and the phenomenology of space, theoretical urban studies, writing textbooks in the designated areas and conducting subsequent theoretical research.

References

1. Berger, P.L. & Kellner, H. (1981) *Sociology reinterpreted: An Essay on Method and Vocation*. London: Penguin Books.

2. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Translated from English. Moscow: Academia-Tsentr.

3. Raskin, J.D. (2006) *Constructivist theories. Comprehensive handbook of personality and psycho-pathology*. New York, NY: John Wiley.
4. Luckmann, T. (2013) The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence. *Qualitative Sociology Review*. 9(2). pp. 40–46. DOI: 10.18778/1733-8077.09.2.04
5. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Different Years]. Translated from French. Moscow: Kastal', 1996. S. 47–97.
6. Merton, R. (1995) The Thomas Theorem and The Matthew Effect. *Social Forces*. 74(2). pp. 379–422.
7. Evans, P. (2020) *Social constructionism, stories and culture*. London: Routledge.
8. Miller, G. (1993) *Reconsidering social constructionism: debates in social problems theory*. London: Routledge.
9. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
10. Fairclough, N. (2001) *Critical discourse analysis as a method in social scientific research*. London: Sage.
11. Fairclough, N. (2001) *Critical discourse analysis*. London: Continuum.
12. Zamyatin, D.N. (2003) *Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Geohumanities: Space and Language of Geographical Images]. St. Petersburg: Aleteyya.
13. Zamyatin, D.N. (2004) *Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva* [Metageography: Space of Images and Images of Space]. Moscow: Agraf.
14. Zamyatin, D.N. (2005) Lokal'nye istorii i metodika modelirovaniya gumanitarno-geograficheskogo obraza goroda [Local history and technique of modeling of humanitarian and geographic image of the city]. In: Andreeva, E., Belousov, S., Galkina, T. et al. *Gumanitarnaya geografiya: Nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh* [Geohumanities: Scientific and Educational Almanac]. Vol. 2. Moscow: Institut naslediya. pp. 276–323.
15. Mitin, I.I. (2012) Geohumanities: terminology & (self-)identity problems in Russian & international contexts. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya – Cultural Geography & Geohumanities*. 1(1). pp. 1–10. (In Russian).
16. Mitin, I.I. (2014) Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskiy podkhod v kul'turnoy geografii [Place as a palimpsest: a mythogeographical approach in cultural geography]. In: Druzhinin, A.G. & Streletsky, V.N. (eds) *Fenomen kul'tury v rossiyskoy obshchestvennoy geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty* [The phenomenon of culture in Russian public geography: expert opinions, analytics, concepts]. Rostov-on-Don: South Federal University.
17. Mitin, I.I. (2004) *Kompleksnyye geograficheskie kharakteristiki. Mnozhestvennyye real'nosti mest i semiozis prostranstvennykh mifov* [Complex geographical characteristics. Multiple realities of places and semiosis of spatial myths]. Smolensk: Oykumena.
18. Gadamer, H.G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.
19. Kaganskiy, V.L. (2001) *Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet habitable space]. Moscow: NLO.
20. Kornev, I.N. (2008) Geographical hermeneutics in the context of the concept of geocultural space. *Regional'nye issledovaniya*. 1(16). pp. 3–9. (In Russian).
21. Gadamer, H.G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy hermenevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German by B.N. Bessonov. Moscow: Progress, 1988. 704 s.
22. Auger, M. (2017) *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity]. Translated from French by A.Yu. Konnov. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
23. Dridze, T.M. (1998) *Gradoustroystvo: ot sotsial'noy diagnostiki k konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon: v 2 kn.* [Urban planning: from social diagnostics to a constructive dialogue of stakeholders: in 2 vols]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
24. Dridze, T.M. (2001) Gradoustroystvo: metodologiya issledovaniya gorodskogo konflikta [Urban planning: methodology for the study of urban conflict]. In: Dridze, T.M. & Tsoy, L.N. (eds) *V kontekste konfliktologii. Diagnostika i metodologiya upravleniya konfliktnoy situatsiey: Antologiya* [In the context of conflictology. Diagnostics and methodology of conflict management: Anthology]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

25. Le Corbusier. (1976) *Tri formy rasseleniya. Afinskaya Khartiya* [Three forms of settlement. The Athens Charter]. Translated from French by Zh. Rozenbaum. Moscow: Stroyizdat.
26. Kirpichnikov, V.M. (2012) The functional approach to strategic management of the city in modern conditions. *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*. 3–1(27). pp. 293–310.
27. Lefebvre, A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Production of Space]. Translated from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press.
28. Sukhovskaya, D.N. (2020) On Interrelation of Value and Meaningful Orientations of Residents and Non-Residents of Creative Spaces and Human Potential Indexes of the North-Caucasian and Southern Federal Districts Cities. *Manuskript – Manuscript*. 13(8). pp. 143–151. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2020.8.26
29. Mumford, L. (2007) *Mif mashiny* [The Myth of the Machine]. Translated from English by B. Skuratov, T. Azarkovich. Moscow: Direkt-Media.
30. Mokrova, N.V. (2020) Kontseptual'nyy podkhod k problematike umnykh gorodov [Conceptual approach to the problems of smart cities]. *Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo*. 7. pp. 32–40.
31. Lents, A.A. (2019) Formation of the urban-planning concept “the calculated city”. *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii – Architecture and Modern Information Technologies*. 1(46). pp. 278–289. (In Russian).
32. Zazulya, V.S. (2021) Problems and trends in the development of public spaces: Russian and foreign experience. *Urbanistika – Urban Studies*. 1. pp. 56–72. (In Russian). DOI: 10.7256/2310-8673.2021.1.34516
33. Habermas, Ju. (2011) The rationalization of law and diagnosis of the times. Translated from German by T.V. Tyagunova. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 10(3). pp. 131–154. (In Russian).
34. Fedotova, G.O. (2018) The concept of “genetic code of the city” in analysis of the city historical environment. In: Sementsov, S.V. (ed.) *Okhrana i restavratsiya pamyatnikov kul'turnogo naslediya* [Protection and Restoration of Cultural Heritage Monuments]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. pp. 150–152.
35. Baranov, A.V. & Kotlyarova, O.V. (2020) Practical research of creative urban spaces: regional aspect. *Vestnik ekspertnogo soвета*. 2–3(21–22). pp. 3–10. (In Russian).
36. Popov, E.A. (2021) Basic options of studying cities in the modern sociological science. *Sotsiodinamika – Sociodynamics*. 2. pp. 65–72. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2021.2.34838
37. Mokrova, N.V. (2020) Conceptual Approach To Smart Cities Problems. *Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo – Industrial and Civil Engineering*. 7. pp. 32–40. (In Russian). DOI: 10.33622/0869-7019.2020.07.32-40
38. Seregina, T.N. (2020) The city as a space of transformation. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 9(148). pp. 485–487. (In Russian).
39. Guseynova, I.A. (2020) Digitalization and its simulated consequence (based on sociocultural interaction in institutional communication). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 26(4). pp. 89–117. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-89-117
40. Bourdieu, P. (2005) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology.
41. Simmel, G. (2018) *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big Cities and Spiritual Life]. Translated from German. Moscow: Strelka Press.
42. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Man, Civilization, Society]. Moscow: Izd-vo polit. lit.
43. Lefebvre, A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Production of Space]. Translated from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press
44. Smirnov, S.A. (2019) City-campus, or educational space of the city. Methodological construct. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 28(4). p. 44. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-44-59
45. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 s.
46. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
47. Ermakova, L.I. & Sukhovskaya, D.N. (2016) The role of Russia's creative urban environment when forming the citizen's value orientations. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 10(72). pp. 86–89. (In Russian).

48. Petrova, V.A. (2017) Rol' i funktsii publichnogo prostranstva v malom gorode (opyt nablyudeniya na primere goroda Vyaz'my) [The role and functions of public space in a small city (a case study of Vyazma)]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov* [The Students' Research Community]. Proc. of the 18th International Conference, p. 51.
49. Borisova, O.A. (2018) Public space of the city as the realization of the citizens' "right to the city". *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otno-sheniya – Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2(4). p. 459. (In Russian).
50. Habermas, J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
51. Arendt, H. (2000) *Vita Activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita Activa, or About Active Life]. Translated from German by V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Aleteyya.
52. Goffman, E. (2017) *Povedenie v publichnykh mestakh: Zametki o sotsial'noy organizatsii sborishch* [Behavior in public places; notes on the social organization of gatherings]. Translated from English by A.M. Korbut. Moscow: Elementarnye formy.
53. Sennett, R. (2016) *Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoy tsivilizatsii* [Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization]. Translated from English. Moscow: Strelka Press, 2016. 504 s.
54. Acconci, V. (n.d.) *Publichnoe prostranstvo lichnoe vremya: Vito Akkonchi o gorode i publik-arte* [Public space in private time: Vito Acconci on the city and public art]. [Online] Available from: <https://special.theoryandpractice.ru/vito-acconci> (Accessed: 21st June 2021).
55. Radionova, L. (2013) Publichnoe prostranstvo goroda v sotsial'no-filosofskoy perspektive: metodologiya issledovaniya [Public space of the city in the socio-philosophical perspective: research methodology]. *Skhid*. 6(126). p. 273.
56. Shtompel, L.A. (2018) Delocalization of public spaces of a modern city: a cultural analysis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 6(86). p. 10. (In Russian).
57. Nikolaeva, Zh.V. (2021) The Identity Feature: the Emergence of the City. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy – Journal of Frontier Studies*. 6(1). pp. 144–159. (In Russian). DOI: 10.46539/jfs.v6i1.258
58. Dunaeva, S.L. (2021) Filosofiya kul'turnoy pamyati gorozhan kak sub"ekt ee formirovaniya [Philosophy of the cultural memory of the townspeople as the subject of its formation]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1. pp. 73–82.
59. Sabogal, A. (2021) Introduction: Definition of City and Public Spaces. *Urban Ecology*. 3. pp. 1–15.
60. Deutsche, R. (2021) The Question of "Public Space". *Public Space Reader*. 3. pp. 280–289.
61. Mehta, V. (2021) Public Space Infrastructures. *Public Space Reader*. 3. pp. 319–323.
62. Ermakova, L.I. & Sukhovskaya, D.N. (2019) Psychological aspects of "creative citizen" personality formation. *Kontsept*. 8. pp. 84–92. (In Russian).
63. Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected Works: The Poetics of Space]. Translated from French. Moscow: ROSSPEN.
64. Harvey, D. (2018) *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod* [Social Justice and the City]. Translated from English. Moscow: NLO.
65. Dmitriev, R.V. (2019) Metrics of urban settlement systems in terms of the central place theory: constancy vs variability. *Geograficheskii vestnik – Geographical Bulletin*. 2(49). pp. 24–34. (In Russian).
66. Yakushina, O.I. (2021) Organizing public space in the contemporary city within "open" and "smart" city framework. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 4(158). pp. 33–42. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2021.4.5
67. Vasilieva, M.A. (2020) The Space of an Image Existence. What do the Internet the Ancient City and the Medieval Temple Have in Common? *Diskurs*. 6(5). pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-5-15
68. Shcherov, V.I. (2020) Virtual Space and "Place" Conception in Modern Philosophy. *Manuskript – Manuscript*. 13(1). pp. 104–107. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2020.1.21
69. Rezaei, M. (2021) Place and Non-place Theories. *Reviewing Design Process Theories*. 1. pp. 69–74.
70. Kukarnikov, D.G. (2011) *Teoriya obshchestva, autopoyezis i kommunikatsiya v sotsiologicheskoy kontseptsii Niklasa Lumana* [Theory of society, autopoiesis and communication in the sociological concept of Niklas Luhmann]. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera*. 38. p. 68.
71. Benyahia, S. (2018) Between Place and Non-place. *Narratives of Place in Literature and Film*. 12. pp. 188–201.